

Невыполнимое понятие ценности

Демидов А.Б.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Понятие ценности в современной философии актуально и востребовано, однако сомнения и споры о его научной обоснованности до сих пор не получили разрешения.

Цель статьи – показать значимость исследования К. Видерхольда для преодоления теоретических и методологических трудностей в философии ценностей.

***Материал и методы.** Основным материалом является труд К. Видерхольда «Понятие ценности и философия ценностей» (1920). Изложены и проанализированы его значимые положения. Проведён компаративный анализ аксиологических концепций. Критическому анализу подвергнуты понятийные и методические средства, которые использовал К. Видерхольд.*

***Результаты и их обсуждение.** Понятие ценности отличается широтой применения, мировоззренческой многозначительностью, претензией на статус фундаментального философского понятия. Но оно не получило достаточного обоснования, которое необходимо для научных систем. Свою задачу Видерхольд видел в содействии систематическому его осмыслению понятия ценности. Он определил смысловой состав и смысловую структуру понятия ценности, выделил пять смысловых типов этого понятия, выработал критерии его выполнимости. Анализируя влиятельные концепции своего времени, Видерхольд показал, что используемые в них понятия ценности не соответствуют критериям осмысленности и несущей способности, они неизбежно оказываются метафизическими, неудовлетворительными для научного использования.*

***Заключение.** Подобно тому, как И. Кант предпринял ограничение познания пределами возможного опыта, К. Видерхольд показал границы научной применимости понятия ценности. Критика К. Видерхольдом принципов философии ценностей является существенным вкладом в развитие ценностно-философских исследований.*

***Ключевые слова:** аксиология, философия ценностей, метафизика, типология понятия ценности, критерии выполнимости понятия.*

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 101–114)

The Impossible Concept of the Value

Demidov A.B.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The concept of the value in modern philosophy is relevant and in demand, however, doubts and disputes about the scientific validity of the concept of the value have not yet been resolved.

The purpose of the article is to show the importance of K. Wiederhold's research for overcoming theoretical and methodological difficulties in the philosophy of values.

***Material and methods.** The main material is the work of K. Wiederhold "The concept of value and the philosophy of values" (1920). Its main provisions are stated and analyzed. A comparative analysis of axiological concepts is carried out. The conceptual and methodological means used by K. Wiederhold were subjected to critical analysis.*

***Findings and their discussion.** The concept of the value is distinguished by its breadth of application, worldview meaningfulness, claim to the status of a fundamental philosophical concept. However, it has not received sufficient justification, which is necessary for scientific systems. Wiederhold saw his task in promoting a systematic understanding of the concept of the value. He defined the semantic composition and semantic structure of the concept of the value, identified five semantic types of this concept, developed criteria for the feasibility of the concept. Analyzing the influential concepts of his time, Wiederhold showed that the concepts of value used in them do not meet the criteria of meaningfulness and carrying capacity; they inevitably turn out to be metaphysical, unsatisfactory for scientific use.*

***Conclusion.** Just as I. Kant undertook the limitation of knowledge to the limits of possible experience, K. Wiederhold showed the limits of the scientific applicability of the concept of the value. K. Wiederhold's criticism of the principles of the philosophy of values is a significant contribution to the development of value-philosophical research.*

***Key words:** axiology, philosophy of values, metaphysics, typology of the concept of the value, criteria for the feasibility of the concept.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 101–114)

Понятие ценности имеет в современной философии двусмысленную репутацию. С одной стороны, оно представляется актуальным и востребованным. Человеческое существование постоянно к чему-то устремлено, и предметы стремлений представляются как ценности. Значит, понимание, истолкование, изучение всей человеческой деятельности и её результатов предполагает в качестве неперемennого условия некие «ценности», «то, ради чего», целевую причину. Развёрнутое обоснование необходимости понятия ценности, особенно в «науках о культуре», представил Г. Риккерт в труде «Границы естественного образования понятий», появившемся в 1896 г. Но, с другой стороны, до сих пор не получили разрешения сомнения и споры насчёт определённости, осмысленности и научной состоятельности понятия ценности. В.К. Шохин в своём исследовании аксиологии отметил «наличие не только не решённых, но даже и не рассмотренных проблем, связанных с её “теоретическим каркасом”, а также методологический хаос, который царит в дефинициях самого понятия “ценности”, равно как и в определении места аксиологии в общей структуре философского дискурса» [1, с. 10]. Тем не менее, многие принимают философию ценностей за полноценный раздел философии.

Философия ценностей существует, по меньшей мере, с конца XIX века. За этот период появилось множество вариаций учения о ценностях, тогда как критических работ, ставящих под сомнение научную состоятельность понятия ценности как основы данного направления, значительно меньше. Обычно обсуждается вопрос о том, какая версия понятия ценности лучше мотивирована, а не о том, правомерно ли оно вообще в качестве научного понятия, отвечает ли оно критериям научности.

К числу сравнительно редких фундаментально-критических исследований принадлежит монография немецкого философа Конрада Видерхольда «Понятие ценности и философия ценностей», изданная в Берлине в 1920 г. в качестве приложения (№ 52) к журналу «Кантовские штудии». Это сочинение не упоминается в русскоязычных публикациях и, по-видимому, не приобрело известности на Западе, во всяком случае, поиск в интернете не дал никаких результатов. Между тем, К. Видерхольду удалось довольно отчётливо раскрыть некоторые принципиальные теоретические и методологические трудности аксиологии. Если выводы, полученные К. Видерхольдом, состоятельны, то нужно учитывать их в исследованиях, развивающих аксиологию или использующих понятие ценности в качестве системного понятия.

Цель статьи – показать значимость исследования К. Видерхольда для преодоления теоретических и методологических трудностей в философии ценностей.

Материал и методы. Основным материалом является труд К. Видерхольда «Понятие ценности и философия ценностей». Изложены и проанализированы

его основные положения. Проведён компаративный анализ аксиологических концепций. Критическому анализу подвергнуты понятийные и методические средства, которые использовал К. Видерхольд.

Результаты и их обсуждение. В преамбуле своей работы Видерхольд отмечает, что понятие ценности занимает среди современных философских понятий особое положение. Его отличает необычайная широта применения, мировоззренческая многозначительность, претензия на статус центрального философского понятия. Оно оказалось востребованным как в научной философии, так и в течениях, которые довольствуются «модными словами и шаткими представлениями». «Рассмотрение применимости понятия ценности в качестве систематического понятия позволяет считать сам предмет, который стремилось понять ценностно-философское движение, серьёзнейшей проблемой, даже основным вопросом всей философии» [2, S. VI]. Но понятие ценности, несмотря на широту и частоту его применения, не получило той определённости, которая требуется для научных систем. Задачу своей работы Видерхольд видит в том, чтобы содействовать систематическому осмыслению понятия ценности, для этого он предпринимает «философский анализ понятия ценности».

Слово «ценность» применимо к необозримому множеству вещей, вследствие чего оно многозначно в обыденной речи. Люди оценивают всё, что можно себе представить. Но и в строгом языке науки трудно найти унифицированный смысл слова «ценность». В научный оборот понятие ценности вошло благодаря политэкономии (Смит, Менгер, Визер, Маркс). Первые психологические теории ценности выдвинули Эренфельс и Майнонг. Но ещё раньше в систематической философии понятие ценности употребил Лотце. Его начинание продолжил, прежде всего, Виндельбанд, затем последовали Риккерт, Мюнстерберг, Фолькельт, сделавшие понятие ценности центральным в своих систематических исследованиях. А ницшевский призыв к «переоценке всех ценностей» стал девизом модной философии. Образовалось «ценностно-философское движение». Слово «ценность» из-за его распространённости и многозначности приобрело стёртость ходкого выражения, под которым можно подразумевать всё и потому ничего.

1. Три необходимых момента ценностного отношения: предмет, сознание и ценностный масштаб.

При философском анализе понятия ценности требуется не объяснение мысленных актов как психических процессов, но осознание их мысленного содержания. Таковой анализ означает у Видерхольда выявление устойчивого *смыслового состава* и *смысловой структуры* понятия «ценность» в его многообразных употреблениях. «Иначе понятие становится невыполнимым, становится не-понятием (Unbegriff), лишь словом, с которым больше не соединяется смысл [2, S. 4]. В ходе анализа устанавливаются три необходи-

мых момента ценностного отношения: предмет, сознание и ценностный масштаб. «Ценностное отношение, которое мы утверждаем как новое, особое отношение, хотя и основанное на определении предмета, мыслимо только так, что сознание приводит определяемый предмет в отношение к чему-то третьему. Это третье мы называем *масштабом*. Определение предмета соотносится с этим масштабом, т.н. *ценностным масштабом*. Только через отношение к нему сознание придаёт предмету ценность. Только эта величина меры даёт ценностному отношению его собственный смысл поверх всего лишь определения признака» [2, S. 5].

Термин «ценностный масштаб» обозначает у Видерхольда то, с чем оцениваемый предмет должен быть соотнесён в акте оценки. У иных авторов понятие, выполняющее аналогичную функцию, обозначается словами «образец», «идеал», «должное». Например, у А.А. Ивина используется слово «образец»: «Ценностью может называться любой из тех трёх элементов, из которых обычно складывается ситуация оценивания: оцениваемый предмет; образец, нередко лежащий в основе оценки; отношение соответствия оцениваемого объекта утверждению о том, каким он должен быть» [3, с. 329]. Нам представляется, что термин Видерхольда имеет преимущество: он более абстрактен, благодаря чему охватывает содержание, обозначаемое вышеуказанными альтернативными выражениями.

Видерхольд указывает на различие ценностного и познавательного отношения. Их смешение происходит, когда не учитывают «третий момент» – масштаб как совершенно специфичный компонент в смысловом составе понятия ценности. Подобный ход мысли имеет место и у А.А. Ивина, утверждающего, что «истина – это соответствие мысли своему объекту, позитивная ценность (добро) – соответствие объекта мысли о нем» [4, с. 11].

В итоге «философского анализа понятия» Видерхольд получает дефиницию: «Ценность – это отношение, установленное сознанием между предметом и масштабом. Ценностное отношение, таким образом, связано с сознанием, предметом и масштабом как его предпосылками... Эти три момента требуют друг друга: только в их триединстве они составляют эту смысловую структуру – ценность» [2, S. 6].

Получив опорную дефиницию, Видерхольд методично продвигается к установлению смысловых типов ценности. Сначала им вырабатывается схема возможных способов установления значимости (*Gültigkeit*). Видерхольд перебирает логически возможные варианты соотношений единичного-особенного-общего, с одной стороны, и объективного-субъективного, с другой. В результате получаются две последовательности. Одна линия увенчивается объективной общезначимостью: 1) субъективно-индивидуальная значимость, 2) объективно-сингулярная значимость,

3) объективно-партикулярная значимость, 4) объективно-общая значимость, 5) объективная общезначимость. Вторая последовательность завершается субъективной общезначимостью: 1) единичная субъективная значимость, 2) субъективно-партикулярная значимость, 3) субъективно-общая значимость, 4) субъективная общезначимость.

Данная схема служит основой для различения видов ценностных масштабов. Соответственно этим масштабам Видерхольд выделяет пять смысловых типов ценности, представленных далее. Таким образом, он внёс свою лепту в типологию понятий ценности.

2. Смысловые типы ценности. *Тип I: Ценность удовольствия (Lustwert).* Этот тип понятия ценности является основной формой восприятия и оценки предметного вообще. Ценностным масштабом выступает желание и его удовлетворение. В большинстве случаев на нём основывается субъективно-индивидуальная значимость, но общезначимость исключена.

Тип II: Конвенциональная ценность. Это ценностные установления, основанные на конвенции. Их масштаб либо учреждается путём соглашения людей, либо является естественно сложившимся обычаем. Соответственно различаются ценности устанавливаемые (например, деньги, цены) и естественно складывающиеся, принимаемые по обычаю. Они имеют субъективно-партикулярную значимость (для определённого круга людей).

Тип III: Полезная ценность (Nutzwert). Масштабом для неё служит полезный эффект. К полезной ценности относятся понятия потребительной ценности и предельной полезности, играющие роль в политэкономии. С психологической точки зрения оценки пользы – это волевые оценки. Они близки к оценкам удовольствия как чувственным оценкам. Они не могут быть общезначимыми.

Тип IV: Ценность целостности (Ganzheitswert). В науке этот тип понимания ценности преобладает над тремя уже рассмотренными типами. Некая целостность рассматривается как масштаб для определения ценности какой-то её части. Эта целостность может существовать в данный момент или предполагаться в будущем как конечная цель. В любом случае имеется в виду целевая связь между частью и целым. Здесь можно ещё различать статический и эволютивный тип целостности. Последнему типу как *эволюционной* ценности в науках придаётся особое значение.

Все социально-гуманитарные науки, или науки о культуре, как выражался Риккерт, используют ценностные масштабы для оценки изучаемых явлений. Понятие ценности целостности применимо и в естественных науках, особенно в биологии, когда речь идёт о роли части для существования или развития органического целого.

Оценки в этом смысловом типе имеют не чувственный, а интеллектуальный характер. Тем не менее, проблематично, можно ли избавиться от субъективности

ценностный масштаб, применяемый социально-гуманитарными науками. Спорной представляется и общезначимость ценности целостности как исторической категории.

Тип V: Нормативная ценность (Normwert). Масштабом для ценностных определений этого типа служит некая норма, автономная по отношению к индивидуальному усмотрению и переживанию. Понятие нормативной ценности находит научное применение, прежде всего, в философии. Подробнее оно будет рассмотрено далее.

Подытоживая своё предварительное рассмотрение понятия ценности, Видерхольд кратко формулирует следующие положения. Смысловой состав понятия ценности включает в себя сознание, предмет и ценностный масштаб. По преобладанию одной из психических функций в мотивации оценки различаются волевые (оценки воли), эмоциональные (оценки чувства) и интеллектуальные оценки. Указанные смысловые типы ценности образуют иерархию по степеням их притязаний на общую значимость.

3. Проблема применения понятия ценности в философской системе. Исследование Видерхольда вступает в решающую фазу с вопросом о том, адекватно ли вообще понятие ценности в качестве системного понятия философии и может ли на его основе строиться научно-теоретическая система. Для ответа на этот вопрос нужны критерии адекватности. И здесь вступает в действие одна из научных новаций Видерхольда. Он предлагает критерии выполнимости понятия. Их два: 1) *формальный* критерий – осмысленность применения понятия, 2) *содержательный* критерий – систематическая несущая способность понятия.

Критерий осмысленности применения понятия определяется следующими характеристиками: 1) понятие должно полностью соответствовать своей дефиниции, 2) его смысловой состав должен быть неизменным, 3) понятие должно выражаться одним и тем же словом, 4) это слово должно применяться в одном и том же смысле. Второй критерий характеризует способность понятия схватывать и нести некоторое смысловое содержание. Между этими критериями, выражающими определённые требования к понятию, имеется напряжённость. Требование второго критерия склоняет к охвату системной категорией как можно большего содержания; при этом понятие растягивается, подрывается его смысловая структура. Первый критерий, напротив, требует сохранения первоначального ограниченного, узкого смысла, сковывает содержание. Видерхольд замечает, что «в метафизических системах, пожалуй, будут нарушаться оба требования сразу» [2, S. 20] из-за противоречивого стремления к одновременному расширению и сужению понятия.

4. Критическая оценка типов понятия ценности. Далее Видерхольд с помощью двух вышеуказанных критериев оценивает ранее выделенные типы понятия ценности на пригодность в качестве систем-

ных категорий. Не все они удостоиваются пристального внимания, поскольку смысловые типы I–IV лишь в незначительной мере нашли действительное применение в философии.

4.1. Ценность удовольствия. Понятие ценности удовольствия уже в античности вовлекалось в философские размышления. Особенно важную роль оно играло у Эпикура. В философии нового времени гедонизм выступал в сочетании с утилитаризмом, например, у Бентама. Разумеется, понятие удовольствия является существенным для философии морали, но оно неоправданно сужает философскую систематику, на нём можно основать только индивидуалистическую и натуралистическую, но не нормативную или социальную этику. «Оно не может рассматриваться в качестве решающего и несущего понятия» [2, S. 23].

4.2. Полезная ценность. Понятие полезной ценности находит применение, по-видимому, только в этике. В истории философии оно часто применялось в тесной связи с ценностью удовольствия. Утилитарная этика близка к этике удовольствия, не может обойтись без понятия удовольствия. Общий принцип этих двух форм этики – эвдемонизм. То, что было сказано о несущей способности понятия ценности удовольствия, относится и к понятию ценности пользы. Единая философская система, основанная на нём, неоправданно сузила бы задачу систематической философии постичь всё мыслимое.

4.3. Конвенциональная ценность. Понятие конвенциональной ценности пригодно для объяснения генезиса институтов человеческого общества, но не может обосновывать сверхвременной смысл и содержание этих явлений. Поэтому оно не подходит для основания всеобъемлющей философской системы.

4.4. Ценность целостности. Первые три типа понятия ценности могут применяться без противоречия с критерием осмысленности. В них понятие ценности имеет эмпирический характер и является уместным в таких отдельных науках, как психология (типы I и II) и история (тип III). Но когда речь заходит о ценности целостности, возникает существенно иная ситуация. В философской систематике ценность целостности предстаёт как метафизическое понятие, и в качестве такового оно несостоятельно. Обоснование этого тезиса Видерхольд приурочивает к последующему анализу нормативной ценности, а пока отмечает, что ценность целостности мыслима только в рамках целевой связи, но если покидается почва эмпирического, конкретно-научного рассмотрения и ценность целостности поднимается до системной философской категории, то нельзя избежать телеологической метафизики.

5. Нормативная ценность в философии ценностей.

5.1. Предпосылки понятия нормативной ценности. Далее Видерхольд обосновывает положение о том, что проблема ценностей становится важнейшей проблемой современной философии именно тогда,

когда речь заходит не о ценностях вообще, но о нормативной ценности. По мнению Видерхольда, философия ценностей берёт начало от Г. Лотце: «Мы впервые встречаем *действительное* применение понятия ценности в качестве системного понятия философии и именно в такой центральной позиции и в такой полноте, начиная от Лотце, можно говорить о движении философии ценностей» [2, S. 29]. С точки зрения историка философии такое утверждение может представляться небесспорным. Так, В.К. Шохин настаивает на том, что зачинателем аксиологической мысли, совершившим в 1808 г. «аксиологическую революцию», является Я.Ф. Фриз [1, с. 19–22]. Л.Н. Столович задавался вопросом, не следует ли Канта считать основателем философии ценности, и пришёл к заключению: «Лотце “поставил точку над i”, но Кант создал то, над чем можно было поставить точку» [5, с. 29]. Однако предмет этой дискуссии лежит за тематическими рамками настоящей статьи, и мы не будем входить в его подробности.

Прагматические и исторические предпосылки понятия нормативной ценности и, соответственно, философии ценностей берут начало в античной философии. Сократ инициировал осмысление проблемы нормы. Платон своим учением об идеях «заякорил» объективное содержание норм в сфере метафизики. Августин сделал новый шаг, решив, что бестелесными истинами норм Бог изливает свет в недра нашего преходящего индивидуального сознания. Рациональная метафизика Декарта и Спинозы тоже полагала Бога условием объективного содержания человеческого сознания. Философия эпохи Просвещения способствовала разложению рациональной метафизики, развитию эмпирического и психологического исследования сознания норм. «Вечные истины» получили психогенетическое объяснение и стали называться «врождёнными идеями», чтобы сохранить видимость метафизической значимости. Чем больше метафизика сдавала позиции в теоретической философии, тем упорнее она держалась в этике и религиозной философии. Не прекращались колебания между психологическим и метафизическим обоснованием морали. До Канта обоснование норм двигалось между психологическим и догматично-метафизическим образом мысли.

Кантовская философия нашла в критицизме особый тип обоснования нормативного содержания по ту сторону психологического релятивизма и догматической рациональной метафизики. Своим трансцендентальным методом Кант стремился обосновать нормы как идеи и категории, являющиеся условиями возможности познания. Но разум, дающий в нормах законы самому себе, – это порядок сверхиндивидуального рода, в котором субъективное сознание всего лишь участвует. Только так Кант мог отвергать толкования его категорий как врождённых идей.

Хотя Кант отказывался от обоснования объективности форм мышления догматической метафизикой,

его построения основаны на метафизике, пусть и иной, трансцендентальной. Его отношение к метафизике представляется проблематичным, едва ли поддающимся однозначной интерпретации. К примеру, его ближайшие последователи (Фихте, Шлейермахер, Шеллинг, Гегель) воспринимали его совсем не так, как основатели неокантианского движения.

За апогеем спекулятивного метафизического мышления, которое обосновывало нормы в системе разума, в XIX веке последовала реакция. Такие направления мысли, как позитивизм, эволюционизм, прагматизм искали решение проблемы нормы в явлениях сознания, а в качестве мерила принимали психологические закономерности. С ослаблением влияния материализма и возвращением к Канту нормативный подход снова обрёл почву. «Вновь начинают спрашивать о смысле содержания, независимом от психологических процессов и вообще от всех природных событий, или, выражаясь более популярно, о смысле и “ценности” жизни. В этой связи в философии впервые появляется понятие ценности». «Мы можем видеть в появившейся теперь философии ценностей попытки решения проблемы нормы» [2, S. 36], обоснования общезначимых, абсолютных ценностей. Так Видерхольд истолковывает подоплёку становления философии ценностей, по-видимому, солидаризуясь с В. Виндельбаном, показавшим, как «философия могла вернуться, правда, удивительнейшими обходными путями, к *кантовской основной проблеме общезначимых ценностей*» [6, с. 438]. Так Виндельбанд и Видерхольд истолковали ценностный поворот в философии своего времени.

5.2. Понятие ценности в философии Г. Лотце.

Герман Лотце пытался совместить в одной системе механистическое и метафизическое воззрение на мир. Как заметил Георг Миш, он хотел реализовать «основное метафизическое убеждение, в котором он всегда придерживался Гегеля, уверенность в единстве действительного как осмысленного целого» [7, S. XX]. В противоположность каузальному исследованию условий действительности Лотце настаивал на идеальном истолковании её ценности.

Механическое рассмотрение природы Лотце относил к «миру ценностей», который раскрывается только в чувстве, причём масштабом ценностных определений является удовольствие. Ввиду субъективной обусловленности чувственных оценок Лотце исключал мысль об «абсолютной ценности»: «Мысль о некоем безусловно ценном, которое не доказывало бы свою ценность своей способностью вызывать удовольствие, перелетает саму себя и то, что ему угодно» [8, S. 316]. Но это психологическое обоснование всего ценного на чувстве не последнее слово учения Лотце о ценности. Он пытался гарантировать ценностям объективность двумя путями, которые пролегают в метафизической сфере. Во-первых, у Лотце наметилась тенденция интер-

претировать оценивающее Я как не эмпирическое, но всеобщее, нормальное Я. Этот путь, которым позже пошёл Виндельбанд, с необходимостью ведёт к обоснованию ценности «сознанием вообще», но Лотце не развивал эту мысль далее. Во-вторых, он настаивал на том, что чувство удовольствия указывает на содержание переживаемого предмета. В чувствах мы испытываем не только ценность чего-то для нас, но его ценность в себе; мы покоряемся собственной ценности вещей, она только признаётся посредством удовольствия. Наша чувственность организована так, что ей присущ общий разум.

Учение Лотце о ценностях противоречиво, в нём заметны колебания между психологическим и метафизическим обоснованием ценностей. Причина этой двойственности не столько зависит от мыслителя, сколько обусловлена проблематичностью понятия ценности.

5.3. *Философия ценностей В. Виндельбанда.*

Впоследствии в философии Вильгельма Виндельбанда понятие ценности стало центральным, а философия вообще превратилась у него в философию ценностей. В его трудах тоже заметны колебания между метафизическим и эмпирическим (историческим) обоснованием ценностей. Видерхольд замечает: «Если последнее систематическое исследование Виндельбанда (Введение в философию, 1914) обнаруживает сильную склонность обосновывать свою философию ценностей метафизически, то его более ранние сочинения часто обнаруживают решительный отказ от метафизического мышления» [2, S. 42]. К примеру, в «Прелюдиях» говорится: «...метафизика с её планом мироздания как наука невозможна, а как вера – недоказуема» [9, с. 293].

Виды ценностей располагаются у Виндельбанда в последовательности, ведущей к метафизическому абсолюту. Первичным индивидуальным оценкам противостоят оценки «более высокого и рефлексированного рода». Эти «оценки оценивания» не основываются на полезности, приятности, обычаях, фактах, но они совершаются в совести. Смысл таких ценностных предикатов, как «хорошо», «прекрасно», «истинно» побуждает нас переступить через относительность этих оценок к абсолютным ценностям. Но эти «ценности-в-себе» значимы не для индивидуального сознания и не для исторической формы общего человеческого сознания, а для «нормального сознания». В нём поверх человеческого способа представления правит «решающий порядок разума». Эти порядки должны представляться как определения абсолютного разума, т.е. Бога. «Ценностная жизнь требует метафизического укоренения», чтобы «подняться над индивидуальной и исторической релятивностью» [10, S. 394–395].

Моральная ценность как одна из высших ценностей коренится только в человеческом родовом сознании, тогда как истина и красота принадлежат «более

высокому региону ценностей-в-себе». В нарастающей тенденции ценности очищаются от антропологического, ранжируются по порядку, чтобы обрести в святом свою причастность к сверхчувственному существу. Наука не в силах познать метафизическую последнюю взаимосвязь ценностей, но её постигает религия. «Так по Виндельбанду религия исполняет то, в чём и философии было бы отказано: закоривание общезначимых ценностей в абсолютном духовном основании мира», – заключает Видерхольд [2, S. 44].

5.4. Система ценностей Г. Риккерта. У Генриха Риккерта проблема ценностей представлена как проблема философии вообще. В статье «О понятии философии» он пишет о том, что философия как мировоззрение должна исследовать вопрос о едином понятии мира, – таком понятии, в котором удалось бы снять представляемую мышлением противоположность субъекта и объекта. Оба пути, которые предлагаются в качестве решений – понимать мировое целое исходя от объекта или субъекта, – это одинаково недостаточные ответы. Объективизм вообще не позволяет возникнуть вопросу о смысле жизни. Субъективизм пока не может дать ему позитивного содержания.

Объективизм и субъективизм знают только действительность, но кроме неё имеются ценности, которые не являются действительностью. «Они образуют совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта» [11, с. 23]. И всё же философия как учение о ценностях соприкасается с действительностью, исследуя ценности, кристаллизовавшиеся в объектах культуры. Философия «должна отделить ценности от объектов культуры и установить при этом, какие именно ценности делают из объектов культуры культурные блага. Тогда собственно и изучит она ценности и поймёт их во всей их чистоте как ценности» [11, с. 28]. Единство двух «царств» – действительности и ценности – обеспечивается у Риккерта благодаря «третьему царству», смыслу. Это царство предполагает оба других: «...Смысл, присущий акту оценки, с одной стороны, не психическое бытие, ибо он выходит за пределы простого бытия, указывая на царство ценностей. С другой стороны, это не ценность, ибо он только указывает на ценности. И, наконец, именно благодаря своему среднему положению он связывает вместе оба разделённые царства ценностей и действительности» [11, с. 36].

Теперь следует задаться вопросом, в какой мере обращение Риккерта к «царству ценностей», лежащему по ту сторону действительности и, таким образом, принадлежащему к области метафизики, соответствует нормам научного мышления. Риккерт постарался отгородиться от онтологической метафизики платоновского типа, указывая на «несостоятельность такого рода метафизики трансцендентно-действительных ценностей» [11, с. 30]. В работе «Предмет познания» Риккерт пытается оградить от упреков в метафизике (хотя бы и не онтологической) также понятие о «со-

знании вообще»: «...Важно, чтобы в особенности всё сказанное о сужающем сознании вообще не рассматривалось как *метафизическая* спекуляция и, следовательно, подвергалось всем тем возражениям, которые нужно сделать против всякой метафизики трансцендентной действительности» [12, S. 350]. Видерхольд отмечает, что Риккерт, как и Виндельбанд стремится не основывать познание ни на психологии, ни на метафизике, отвергает всякую онтологическую метафизику и гносеологический реализм. Это касается и обоснования понятия о «сознании вообще». Здесь речь должна идти только об осознании «*логических* предпосылок, которые как значимые смысловые образования вложены в любое познание действительного» [12, S. 351]. И всё же, полагает Видерхольд, «прохладное, прямо-таки отрицательное отношение ко всякой метафизике по существу и прежде всего по названию не должно означать при всём том последнего слова Риккерта о возможности метафизики вообще» [2, S. 47]. Выразив сомнения в том, не допускает ли Риккерт некую иную не онтологическую, а трансцендентальную метафизику, Видерхольд заключает: «Мы не получаем на этот вопрос определённого ответа» [2, S. 50].

5.5. «Философия ценностей» Г. Мюнстерберга.

Концепцию Гуго Мюнстерберга, изложенную в книге «Философия ценностей» (1908), Видерхольд характеризует как самую обширную систему философии ценностей из всех до тех пор выдвигавшихся. Подобно Фихте Мюнстерберг полагал, что волящее Я является метафизической первопричиной, деятельно творящей мир.

По мнению Мюнстерберга, при исследовании оценок нельзя принимать за отправной пункт мир физическо-психической природы, так как он принципиально мыслится в качестве каузальной системы, не имеющей ценности. Мир желаний содержит только индивидуальные оценки, обусловленные удовольствием или неудовольствием. Однако ценности, к которым апеллирует наше мировоззрение, должны быть «надындивидуальными и, таким образом, общезначимыми в смысле вечности» [13, S. 38]. Нужно познать абсолютные ценности, которые не даны ни в каузальных системах природы, ни в индивидуальных целевых системах. Но абсолютные ценности не пребывают в некоем вечном мире, принципиально отгороженном от познающего сознания. «Абсолютные ценности непременно должны находиться в мире, который в целом подчинён условиям переживаемости...» [13, S. 40]

Один из решающих вопросов у Мюнстерберга – следует ли понимать абсолютные ценности как должное или как желаемое. Верно, что мы подчиняемся должному в суждениях о действительности, повинемся этической и эстетической совести. Однако понятием должного невозможно обосновать связную систему разных ценностей. Понятие должного может иметь значение в качестве дополнения к понятию ценности, но оно «остаётся непригодным для образования

системы» [13, S. 52]. Оно прямо-таки вводит в заблуждение и препятствует пониманию ценностей. Ведь понятие должного влечёт за собой решение, выбор, возможность желать недолжное. Возможны противоречия, например, нравственность есть желание верности себе, которая никогда не может стать нежеланной и, значит, не включает должное. Так же и в отношении ценностей истины и красоты обнаруживается, что понятие должного полностью разрушило бы их смысл. Так на чём же нужно основывать ценности?

Ценностью следовало бы считать то, что желанно, доставляет удовлетворение. Однако ценность, основанная на удовольствии, не имела бы абсолютного характера. Так, возведение этики на удовольствие искажает суть этики. Решением задачи была бы независимость удовлетворения от удовольствия или неудовольствия. Но как это возможно? Мюнстерберг полагает, что чувство удовлетворения может происходить не от чувственного удовольствия, а от понимания, что некий достигнутый результат содержательно идентичен желаемому. По его словам, «удовлетворение соответствует осуществлению желаемого; между желаемым и достигаемым должна воцариться содержательная идентичность» [13, S. 71]. Например, мы испытываем удовлетворение, когда удаётся вспомнить имя: «Представление об ускользнувшем имени было идентично по содержанию с найденным» [13, S. 71]. Не само явление даёт нам удовлетворение, а именно осознание идентичности намеченного нашей волей (создание фантазии, продукт размышления) с тем, что осуществилось. «...Из желаемого получается достигнутое, из представленного получается осуществлённое. Такой переход является единственным источником нашего удовлетворения, и если ценность без удовлетворения не имеет смысла, то ценностью должно быть также осуществление того, что по содержанию идентично желаемому. Но эта воля не может быть управляемой удовольствием или неудовольствием; это должна быть чистая воля, которая стремится к осуществлению своей цели» [13, S. 72].

Мюнстерберг методично выстраивает систему, которая включает 24 ценности, представляющие собой «разветвления одной ценности». Система охватывает ценности логические, эстетические, этические и, наконец, метафизические – ценности святости и вечности. Исследование разных видов оценивания приходится на логику, эстетику, философию религии, природы, истории и т.д.; приведение их в единство – собственная цель философии, ведь «целое философии больше, чем сумма этих частей. ...Только благодаря такому единению само мировое целое становится ценностью, и лишь тогда мы вырабатываем мировоззрение» [13, S. 439]. Чтобы свести воедино разнородные ценности, философии нужно действовать иначе, чем отдельным и опытным наукам. Для философии в целом в отличие от математики, естественных, исторических и отдельных философских наук, занимающихся

сочетанием данного, отдельными оценками, взаимной связью вещей или сущностей, «при разработке глубочайшей сущности всего мира дело идёт о чём-то совсем ином». Отождествление отдельных групп ценностей достигается «не соединением данного, а благодаря тому, что они внедряются в мир по ту сторону опыта». При этом оценивающие действия понимаются «как части одной в себе неизменной первопричины, которая сама, таким образом, только требуется, но не познаётся». Вместо познания здесь вступает в действие «акт убеждения», признающий первопричину, утверждающую саму себя, «из которой происходят все отделённые оценки». Метафизическое убеждение личности является особой ценностью, которая принципиально отличается от ценности логической связи и «теснейшим образом связана с религиозной ценностью. Без глубочайшего решения, без включения всей личности, короче, без убеждённости нет конечной философии» [13, S. 444], – утверждает Мюнстерберг. Эта убеждённость личности, человеческого Я обращена к первопричине, Сверх-Я, последней ценности, в которой завершается бесконечная ценность мира. Она безлико действует в нас как основная сила. «Ценно, в конечном счёте, то, что сообразно воле Сверх-Я» [13, S. 452]. Эта последняя праволя не должное, а именно желание, воление. Вселенная и человечество являются осуществлением праволи. Праволя – это «воля к ценности» [13, S. 476].

Видерхольд резюмирует, что Мюнстерберг в противоположность Виндельбанду и Риккерту осознанно и недвусмысленно укореняет ценности в метафизических глубинах Сверх-Я, праволи, даёт своим рассуждениям метафизическое обоснование, покидая тем самым почву науки.

Подобный приговор системе Мюнстерберга десятиком лет раньше вынес Б.В. Яковенко. Русский неокантианец охарактеризовал эту концепцию как «знамение времени» и счёл, что «это первая система ценностей, выведенная с удивительной точностью и законченностью умелого архитектора мысли» [14, с. 310]. Вместе с тем, по мысли Яковенко, философия как особая отрасль знания, даже когда её предметом становятся ценности, не приобретает права веровать в существование «ценностной метафизической сверхдействительности», и «пусть философия трактует об особых предметах; но она обязана это делать подобно другим наукам» [14, с. 321].

5.6. Понятие ценности у Й. Фолькельта. Йоханнес Фолькельт в своей «Системе эстетики» (1914) осознанно придёт абсолютным ценностям метафизическое обоснование. Он отказывается от применения трансцендентального метода, рассматривает неокантианские разработки в их антиметафизической трактовке как ненадёжные, склоняющиеся к метафизике или уже являющиеся скрытой метафизикой.

Фолькельт разводит понятия относительной и абсолютной ценности, противопоставляет друг другу

относительные ценности и самоценности. Ценность относится либо к изменчивым состояниям субъекта, к особенностям оценивающего Я, либо к объекту самому по себе. В первом случае имеют место относительные ценности, во втором – самоценности. Самоценность основывается на «законности существа Я», целевом назначении субъекта, которое объясняется мировой телеологией. «Законность сущности человека, заостряясь к законности цели, поднимается над природными связями и ускользает от игры изменчивых влияний. <...> Человеческое раз и навсегда закорено в этой назначенной телеологической законности. <...> Только от целевой предназначенности Я может появляться самоценность» [15, S. 456]. Понятие самоценности у Фолькельта имеет смысл только как метафизическое понятие. Оно не постигается опытным путём, но относится к умопостижаемому миру: «...самоценность... основана в законности цели интеллигибельного Я» [15, S. 457]. Понимание самоценности возможно благодаря «опросу внутреннего переживания», которое ведёт к непосредственной интуитивной уверенности в чём-то трансубъективном, метафизическом. Основными интуициями Фолькельт считает моральную, эстетическую, ноологическую и религиозную уверенность. Эти виды уверенности являются принципиальными источниками познания. Им соответствуют четыре самоценности как координированные самопредставления одной абсолютной ценности. Важнейшее метафизическое положение Фолькельта выражено в словах: «Не то чтобы сначала была абсолютная ценность, а потом добавилось бы бытие. Но я хочу сказать: бытие так основывается в абсолютной ценности, что оно есть не что иное как самоосуществление абсолютной ценности. Вообще дело не дошло бы до бытия, если бы абсолютная ценность не была тем, что давало бы ему опору и смысл» [15, S. 503]. Далее следует утверждение: «Абсолютное должное – это не что иное как присущая абсолютной ценности тенденция к самоосуществлению» [15, S. 503]. Посредством этого стремления абсолютная ценность необходимо связана с бытием. «Абсолютная ценность, абсолютно должное и абсолютное бытие суть вечно нераздельное» [15, S. 503]. Так мировой принцип получает «онтологическое значение», и абсолютная ценность, понятая таким образом, может иметь своё значение только для сознания. Она значима для «абсолютного духа». Абсолютная ценность и абсолютный дух совпадают: абсолютное самосознание осуществляется в абсолютной ценности. Фолькельт не преминул отметить, что «понятие абсолютной ценности вовсе не является, как у Риккерта, лишь высшей логической точкой зрения, а есть принцип, первенствующий по отношению к бытию» [15, S. 505]. Таким образом, теория ценностей у Фолькельта имеет откровенно метафизический характер.

В обзоре концепций ценностей от Лотце до Фолькельта, мы вслед за Видерхольдом наблюдали всё

более явную тенденцию к построению теорий ценностей на метафизическом фундаменте – вплоть до открытого противостояния Фолькельта «не-онтологической» метафизике неокантианцев.

6. Нормативная ценность как системная философская категория. Завершив предварительную исследовательскую работу, Видерхольд выдвигает свой главный вопрос: применимо ли понятие ценности как основополагающее понятие для разрешения проблемы нормы, способно ли оно в качестве категории нести на себе систему философии? К тому же надо уяснить прагматические трудности решения проблемы нормы, критически оценить философию ценностей в целом, выявить её границы и недостатки, установить поддерживающие её мотивы, указать тенденции её дальнейшего движения.

Видерхольд полагает, что неясности и противоречия проявляются вполне отчётливо именно тогда, когда пытаются обосновать безусловность ценностей, их абсолютную или всеобщую значимость. Теперь он намеревается более конкретно применить два вышеуказанных критерия (осмысленности и несущей способности понятия ценностей) для критики представленных систем.

6.1. Критика понятия нормативной ценности по критерию осмысленности. Приступая к решению намеченных задач, Видерхольд констатирует, что в философии ценностей почти отсутствует чёткое осмысление моментов, конституирующих смысловую структуру понятия ценности. Модное и многозначное слово «ценность» берётся как само собой понятное и не требующее объяснения или, наоборот, как необъяснимое и мистическое. Оно «окружает себя неким ореолом, но так, что темнота распространяется там, где мы хотим ясности» [2, S. 60]. Видерхольд предпринимает проверку, применялось ли понятие ценности в философии, начиная от Лотце, достаточно осмысленно и единообразно.

У Лотце понятие ценности, с одной стороны, используется в смысле ценности удовольствия, и это не вызывает возражений, пока оно удовлетворяет критериям осмысленности и несущей способности. Однако из него последовала бы эвдемонистическая этика, что для Лотце неприемлемо. Ему нужны ценности «в себе», основанные не на эмпирическом базисе, не относительные. Поэтому, с другой стороны, у Лотце встречаются указания на то, что ценное «в себе» нужно относить не к эмпирическому Я, а к разумному сознанию, и масштаб должно служить общее, непреходящее и в себе ценное. Но в таком случае ценность как некая самостоятельная сущность уже не является отношением между тремя вышеуказанными моментами (субъект, объект и масштаб). Когда Лотце говорит о собственной ценности вещей, то либо таковая подразумевается самостоятельной, либо эта ценность сливается воедино с предметом и масштабом в нераздельное целое. Если понятие ценности удовольствия

у Лотце было «выполнимым», то понятие ценности «в себе» уже таковым не является, так как не согласуется с цитированным выше его тезисом о том, что мысль о безусловно ценном, не доказывающем свою ценность способностью вызывать удовольствие, перелетает саму себя. Видерхольд отмечает, что Лотце в этой конструкции применяет такое же невыполнимое понятие, как «*causa sui*» Спинозы. Вместе с тем Лотце не совсем отказывается от связи безусловных ценностей с чувством, старается показать, что мы испытываем в чувстве не только ценность для нас, но и ценность в себе: «Мы повинемся *собственной* ценности вещей» [8, s. 321], она только признаётся удовольствием. Эта связь мотивируется тем, что «общий разум» мыслится как имманентный организации нашей чувственной жизни. Так же каким-то образом совмещаются не только разумное сознание и психическая организация единичного Я, но и индивидуальный масштаб чувства удовольствия совпадает с масштабом ценности общего, непреходящего. «Предметы, их масштаб ценного в себе и ценность, в конце концов, суть одно нераздельное целое. В этом понятии ценности мы не можем вполне усмотреть выполнимой мысли. В нём осмысленные отношения смешиваются с зыбкими определениями в некую совершенно непрозрачную совокупность понятия» [2, S. 62], – заключает Видерхольд.

Виндельбанд использует понятие ценности с большей однозначностью, чем Лотце. «Общезначимые ценности» у него психологически основываются на «оценках первичного набрасывания». Такие ценностные предикаты, как добрый, прекрасный, истинный, применяются в оценках более высокого уровня, удалённых от индивидуального усмотрения или конвенции. Чёткой дефиниции понятия ценности у Виндельбанда не нашлось, но всё же в совокупности его разработок можно выделить структуру в какой-то мере однозначную и стабильную. Сознание, с которым соотносятся ценности более высокого уровня, – «нормальное сознание» – это метафизически понятые определения содержания некоего божественного сознания. Предметами, которые оно оценивает, являются индивидуальные первичные оценивания. В качестве масштабов неоднократно указываются нормы, содержащиеся в системном порядке в разумном сознании. По-видимому, общезначимая ценность у Виндельбанда представляется как отношение между тремя моментами: разумным сознанием, первичными ценностями и нормами. Тем не менее, у него встречаются высказывания, в которых ценностям предоставляется абсолютное метафизическое существование. Он говорит о царстве ценностей как самодовлеющем, в себе покоящемся мире; или о «значимости ценностей разума, вследствие чего они становятся нормами для функций человеческого разума» [16, S. 285–286], как если бы ценности были самостоятельными сущностями, которые могли бы значить независимо от норм.

У Виндельбанда, как и у Лотце, происходит гипостазирование ценностей; соответствующее понятие перестаёт быть выполнимым, когда оно показывает ценность не как отношение, а как нечто самодовлеющее.

Разбирая понятие ценности у Риккерт по его работам «О системе ценностей» и «Предмет познания», Видерхольд отмечает, что понятие ценности здесь не обосновывается, а просто принимается как само собой понятное. Риккерт представляет «царство ценностей» настолько самодовлеющим, что оно вполне может обходиться без какого бы то ни было отношения и к субъекту, и к объекту, оно просто по ту сторону субъекта и объекта. Чтобы ценность резко противопоставить психическому акту оценивания, смысл понятия ценности полагается совершенно независимым как от сознания, так и объекта. Не принимается в расчёт и «нормальное сознание», с которым ценности соотносятся у Лотце и Виндельбанда. Правда, ценности представлены в субъективной или объективной действительности, но они отделены от этой действительности и рассматриваются как самодовлеющие. С действительностью связан только «имманентный смысл», тогда как чистые ценности образуют царство для себя. Тем не менее выдвигается тезис, что этими ценностями можно объяснить смысл жизни. При этом царству ценностей присуждается предикат значения, понятие которого, однако, имеет смысл только как понятие соотношения (с субъектом и объектом). Противоречивые толкования ценностей как самодовлеющих, с одной стороны, и соотносённых с действительностью, с другой – «лишают их всякого выполнимого смысла, делают их не-понятиями (Unbegriffen)» [2, S. 64], – полагает Видерхольд.

Мюнстерберг применяет своё понятие ценности единообразно и последовательно. Пожалуй, ему удалось учесть все моменты, необходимые для смыслового строения понятия ценности. Момент сознания представлен актами чистой воли, праволи, надындивидуального сознания, Сверх-Я. Масштабом является удовлетворение чистого воления. Наконец, объектами становятся представленные содержания, которые оцениваются по мере их идентичности тому, чего требует чистая воля Сверх-Я. Несмотря на то, что понятие ценности у Мюнстерберга удовлетворяет формальному критерию смысловой структуры, это понятие оказалось откровенно метафизическим и, значит, не удовлетворяющим содержательному критерию несущей способности.

Понятие ценности у Фолькельта, как считает Видерхольд, по смысловому строению является в новейшей философии наиболее ясно проработанным и последовательно применяемым. «Тем лучше оно позволяет распознать его самоснятие» [2, S. 66], – замечает Видерхольд. Отчётливо просматривается единство трёх моментов: 1) сознание – сверхиндивидуальное, 2) масштаб – метафизически обоснованная система целей, имманентная интеллигибельному Я, 3) предмет –

содержание переживания. Уязвимость системного построения Фолькельта становится вполне ясной, когда дело доходит до понятия абсолютной ценности. В конечном счёте, она совпадает и с абсолютным бытием, и с абсолютным сознанием. Этому мировому принципу определённому присуждается «онтологическое значение» как последнему метафизическому основанию. У Фолькельта чётко и последовательно продуманы до конца ходы мысли, так или иначе наметившиеся во всех построениях философии ценностей. Но здесь они нашли выражение достаточно откровенное для понимания того, что если ценность возвышается как последний принцип, то она должна мыслиться либо как самостоятельная сущность наряду с сознанием и объектным миром, либо абсолютная ценность совпадает с бытием и сознанием. В любом случае такое понятие ценности оказывается невыполнимым.

Видерхольд заключает: «Пусть называют это в себе значащее, этот последний мировой принцип как угодно, – ценность как наименование абсолютного неизбежно становится не-понятием» [2, S. 67]. Таким образом, Видерхольд показал, что понятие нормативной ценности не выдерживает критики по критерию осмысленности, т.е. не способно при системном применении сохранять вышеозначенное триединство своего смыслового состава (сознание, предмет и масштаб).

В дополнение к этому выводу Видерхольд обосновывает далее тезис о том, что понятие нормативной ценности не может не быть метафизическим, выходящим за пределы всякого возможного опыта.

6.2. Нормативная ценность и метафизика. Философия ценностей стремится обосновать некое покоящееся в себе самом, независимое от всякой субъективности объективное содержание, которое Видерхольд обозначает выражением «автономное наличие» (autonom Bestand). Оно должно быть «самостоятельным царством», чистым и девственным. Ему, начиная с Лотце, присуждали предикат «значащего» в противоположность «существующему», переменчивому бытию. Но при этом авторы учений о ценностях допускали связь значащего и существующего: уже сам термин «значимость» всегда говорит о значимости для кого-то или чего-то, о соотношении с бытием [2, S. 67].

Глубочайшим побуждением философии ценностей явилось стремление доказать безусловность ценностей, закорить их значение в абсолютности. Вместе с тем для всех мыслителей этого направления определилась и задача «единого фронта обороны»: отвергать всякое выведение ценностей из реальности, всякую фактичность, отклонять все генетические подходы, психологизм, историзм, эволюционизм, любой релятивизм. «Все от Лотце до Мюнстерберга и Фолькельта варьируют одну мысль: учреждение ценностей на эмпирической основе всегда гарантирует только их отнесенность, обусловленную значимость» [2, S. 68].

Так, у Лотце значение ценности должно основываться не на индивидуальной оценке чувства, а на содержании, которое мы схватываем непременно разумом, имманентным организации нашей эмоциональной жизни. Виндельбанд отвергает генетический метод как неспособный обосновывать «общезначимость» ценностей, ведь «эта общезначимость не фактическая, её необходимость не каузальная» [16, S. 41]. По Риккерт, психологизм и историзм – формы «плохого субъективизма» [11, S. 27–29]. И Мюнстерберг, говоря об «абсолютных оценках», утверждает свои ценности как «надперсональные и общезначимые в смысле вечности» [13, S. 38]. Наконец, у Фолькельта «законность существа Я», на которой основаны «самоценности», не обусловлена природными задатками человеческого рода [15, S. 456].

Но каким образом, выступая против релятивизма, представители философии ценностей доказывают объективную и безусловную значимость ценностей? Здесь при всей общности оборонительной позиции против релятивизма, обнаруживается разнообразие ответов.

Лотце попытался обеспечить ценностям объективность двумя путями. Во-первых, он расширил субъективное Я до всеобщего Я, разумного сознания. Во-вторых, он указал на то, что в глубине переживания удовольствия постигается некое объективное содержание, поскольку организации нашей чувственной жизни имманентен общий разум. Лотце осознанно придал значимости ценностей метафизическое основание.

Виндельбанд пошёл дальше первым из путей, намеченных у Лотце, и полагал, что «ценности в себе» значимы для нормального сознания, в котором царит всеобъемлющий объективный порядок. Он колебался между соблюдением границ трансцендентализма и ссылками на некую перводействительность, признание которой не должно означать метафизического познания. Эта двойственность позволяет уповать на религию, которой дозволено то, чего не дозволено философии.

Риккерт пытался уклониться от метафизического обоснования своего «царства ценностей». Значащая ценность для него является последним теоретическим принципом. Абсолютное понимается только как значащее, о вере нет речи. Тем не менее, его «значащая ценность» тоже лежит в области метафизики.

Обоснование общезначимости «абсолютных ценностей» у Мюнстерберга, на первый взгляд, не метафизическое, поскольку общезначимое воление независимого мира не должно переступать границы переживаемости. Однако последнее основание ценностей относится к Сверх-Я, значимость ценностей покоится на достоверности метафизических убеждений.

Наконец, обоснование Фолькельтом самоценностей на «сущностной законности Я» и «абсолютной ценности» получается только метафизическим.

Продемонстрировав на примерах из истории философии ценностей её тенденцию к метафизике,

Видерхольд задаётся вопросом, является ли эта тенденция неизбежной. Метафизикой он называет «любую попытку с помощью средств мышления овладеть последними принципами, которые несут совокупность нашего переживаемого мира (Erlebniswelt), не совпадая с этим миром по его существу» [2, S. 71–72].

Философия ценностей пытается представить в своих понятиях «не переживаемость (Erlebtheit)» принципов как лишь *переживаемость*, но их покоящуюся в себе сущность, автономное наличие, независимое как таковое от акта переживания» [2, S. 72], – так Видерхольд характеризует эту познавательную ситуацию. Далее он высказывает принципиальное суждение: «И все же неотъемлемым свойством, глубинным нервом всего метафизического мышления является стремление уловить в мире переживания нечто, должное быть несущим основанием сущности именно этого мира, не будучи единым с ним. Как раз это и составляет тот глубокий антиномизм, пропитывающий всю метафизику, ту внутреннюю диалектику, которая никогда не даёт определённого решения метафизической проблемы и вытекает из самой сути дела» [2, S. 72]. Тем не менее неискоренимая метафизическая потребность побуждает не прекращать усилий.

Философские учения о самодостаточности ценностей, об их царстве как сфере безусловных значений представляют собой, по мнению Видерхольда, «гипостазирование пустых абстракций» [2, S. 74]. Ценность как нечто значащее само по себе – это бессмыслица, не-понятие (Unbegriff) [2, S. 75].

6.3. Несущая способность системного понятия ценности и его невыполнимость. Дальнейший текст Видерхольда выглядит несколько странно. Размывается последовательность и определённость суждений, необходимая связь между вопросами и ответами. Складывается впечатление, будто некие обстоятельства не позволили автору планомерно и без лагун завершить свой труд. Насколько верно это предположение, судить невозможно, так как никаких биографических сведений о Конраде Видерхольде найти не удалось.

Выше уже было показано, что философия нормативных ценностей возможна только как метафизика. Теперь ставится вопрос, может ли понятие ценности использоваться системно как метафизическое понятие? И, прежде всего, при этом спрашивается «о его несущей способности в области решения проблемы нормы» [2, S. 76].

Здесь обнаруживается странность в тексте. Выдвинув вопрос о «несущей способности» системного понятия ценности, автор больше не возвращается к нему, лишь мимоходом использует последний раз этот термин на следующей странице. Однако мы помним, что в начале работы он предложил применить критерий «систематической несущей способности» [2, S. 19] в качестве одного из двух критериев, позволяющих определять адекватность употребления

понятия ценности. Смысл этого критерия Видерхольд выразил вопросом: «Насколько это понятие способно схватывать данную предметность?» [2, S. 20]. В такой формулировке «несущая способность» понятия представляется не вполне отчётливо. Возможно, автор предполагал развить определение этого термина в процессе дальнейшей критики философии ценностей, но по каким-то причинам не успел осуществить это намерение, а оно, судя по некоторым нюансам текста, имелось.

По какой-то причине в авторском тексте не найдена отчётливая формулировка этого критерия. Нам приходится реконструировать её по контексту работы Видерхольда. Мы попытаемся прояснить, насколько возможно, значение термина «несущая способность понятия», опираясь также на аналогии, имеющиеся в сочинениях других авторов. Выражение «несущая способность» (*Tragfähigkeit*) используется во многих отраслях науки, техники, социальной и экономической деятельности. Оно может означать: «грузоподъёмность», «полезная нагрузка», «допустимая нагрузка», «социальная несущая способность», «экологическая несущая способность», «экономическая жизнеспособность компании» и т.п. В применении к понятию имеется, например, такое объяснение: «Несущая способность понятия – это его применимость к определённой группе» [17, S. 81] (некоторых предметов), полезность, плодотворность данного понятия. Наиболее ясной представляется трактовка из авиационной энциклопедии: «Несущая способность... – способность конструкции выдерживать нагрузку, обеспечивая нормальное функционирование изделия» [18, с. 377]. Эту дефиницию можно применить, наверно, и к понятию, поскольку оно тоже своего рода «конструкция», «изделие», только не материальное, а идеальное, мысленное.

Приемлемость такого толкования термина «несущая способность понятия» косвенно подтверждается словами Видерхольда о том, что действительность (*Gültigkeit*) ценностного отношения *носит* (*wird getragen*) действительностью её масштаба [2, S. 79]. Это может означать, что перегрузка ценностного масштаба (в данном случае метафизическим содержанием) чрезмерна для несущей способности понятия ценности и приводит к его разрушению.

7. Заключительные соображения Видерхольда о невыполнимости понятия ценности. Заключительные суждения Видерхольда имеют несколько сбивчивый характер. К дискурсу примешиваются эмоционально окрашенные слова о «почти удручающей многозначности» слова «ценность», об «изрядной путанице и помрачении в познании данной предметности». Автор характеризует «понятие ценности как совершенно неудачное и обманчивое» [2, S. 79]. Он сетует, что «часто словом “ценность” прямо-таки опьяняли себя, принимали его как само собой разумеющееся, оставляя его вместе с тем в мистическом тумане» [2, S. 81–82].

По существу проблемы Видерхольд пишет, что «у всех мыслителей понятие ценности по своей смысловой структуре становилось так или иначе невыполнимым понятием, как только они пытались использовать его в качестве системного понятия в решении проблемы нормы. ...Его смысловая структура неминуемо должна была нарушаться» [2, S. 78]. Так, у некоторых авторов ценностью называется сам абсолютный принцип, а не отношение между предметом и масштабом, устанавливаемое субъектом. Такое представление имеется у Риккерта и Фолькельта, принявшего абсолютную ценность за мировое основание. Некий «абсолютный принцип», обособленный от сознания субъекта, нарушает смысловую структуру понятия ценности.

Чтобы обеспечить ценностям объективность и общезначимость, их нужно превратить в метафизические сущности. Но как бы ни трактовали понятие ценности, оно не освобождается от изначальной соотносённости с субъективностью. Даже если признать понятие «сознания вообще», оно всё-таки было бы именно субъективностью, пусть и сколько угодно сублимированной ради обоснования объективности содержания. «Будь то нормальное сознание Виндельбанда, абсолютное сознание Фолькельта, чистое воление перво-Я (*Ur-Ich*) Мюнстерберга, ценности должны покоиться на такой субъективности, чтобы понятие ценности не оказалось заранее невыполнимым» [2, S. 79].

Философия ценностей сталкивается с неодолимой трудностью, стремясь от ценящего сознания отдельного эмпирического субъекта перейти к ценящему, но совершенно нечувственному разумному сознанию. Для этого гипостазируют пустую абстракцию, которая должна быть совершенно сверхиндивидуальной и нечувственной и всё же носить в себе следы своего психологического происхождения. Такое всеобщее сознание, быть может, допустимо в психологии в смысле усреднённого сознания, но как метафизическое понятие оно несостоятельно, как полагает Видерхольд. Понятие ценности в научной терминологии имеет обоснованный смысл только в политической экономии и психологии. В философии не следует использовать его как системное понятие. Благодаря этому из современной философии устранилось бы много неясности и путаницы.

Отвергая понятие ценности как системное понятие философии, нужно учитывать некоторые позитивные результаты ценностно-философского движения мысли. По мнению Видерхольда, оно придало понятию культуры философское содержание и систематическую существенность. Оно представило культуру как воплощение идеальных требований, которые человечество призвано исполнять в своей истории. Человеческий род стал вновь рассматриваться как носитель и завершитель сверхвременных определений. Вместе с тем в выражениях философии ценностей реанимировалась платоновская теория двух миров.

Проведённое критическое исследование вскрывает настоятельную необходимость выхода за пределы того умственного горизонта, который фактически развёрнут философией ценностей. Предложенные ею решения критически отвергнуты в важнейших пунктах, но сама проблематика, которую серьёзнейшим образом стремилась осилить философия ценностей, безоговорочно признаётся как важнейшая.

Видерхольд завершает свой труд словами: «Собственно говоря, мы хотели дать понять, что настоятельно необходимо выйти за пределы философии ценностей, чтобы на более высокой ступени познания “снять” (aufzuheben) её позитивные результаты в более обширной и глубже обоснованной системе. И в смысле этого систематического замысла можно и к философии ценностей применить слова, отнесённые Виндельбандом к Канту: понять её – значит выйти за её пределы» [2, S. 84].

8. Смысл и бессмысленность вопроса «Что такое ценность?». В завершение обзора основных идей критического исследования К. Видерхольда автор этой статьи предлагает тезисное изложение своих воззрений, разделяемых с Видерхольдом.

Спрашивать «Что такое ценность?» (как нечто самостоятельное существующее) бессмысленно. Этот вопрос требует определения того, чего не может быть. Ценность *сама по себе*, как *самостоятельное нечто*, невозможна. Так же, как невозможен круглый квадрат. Можно сформулировать «дефиницию» круглого квадрата, например, это – замкнутая кривая на плоскости, состоящая из точек, равноудалённых от заданной точки на этой же плоскости, и имеющая четыре равных угла при равных четырёх сторонах. Таким образом, можно «определить понятие» круглого квадрата, но невозможно выполнить это «понятие», которое есть не-понятие (Unbegriff). Аналогично невыполнимым является понятие ценности (как чего-то самостоятельно существующего).

Однако вполне осмысленно можно спрашивать и говорить о ценности *чего-то*, какого-либо предмета. В этом смысле *ценность предмета* не существует самостоятельно, независимо от самого предмета и оценивающего его субъекта. Суждение о ценности предмета всегда исходит от субъекта. Но, высказываясь о ценности предмета, субъект выражает не свойства самого предмета, а своё собственное отношение к нему – одобрение, неодобрение, безразличие (качественный аспект оценки), а также величину одобрения, неодобрения, безразличия (количественный аспект оценки).

Различаются суждения познавательные (о предмете и его свойствах) и оценочные (об отношении субъекта к предмету и его свойствам). Возможна путаница между познавательными и оценочными суждениями.

Например, может казаться, будто речь идёт об одном и том же предмете в двух следующих суждениях. 1) «В этом помещении тепло». 2) «В этом помеще-

нии температура +22,3 °С, влажность 29%». Но первое суждение – оценочное, оно выражает *отношение субъекта* к климату в помещении; второе суждение – познавательное, оно выражает *объективные характеристики* климата в помещении.

Оценочные суждения в принципе, по определению могут быть только субъективными и не могут быть объективными и общезначимыми, даже если бы их разделяли все без исключения субъекты в данной ситуации в данный момент. Однако аксиологический бум, охвативший в 1890–1920-е годы философские умы в Европе, сочетался с верой в *познаваемость ценностей*. Познание ценностей (если бы оно было возможно) показало бы их объективность и общезначимость.

Когда кто-то стремится представить ценность как нечто объективное и общезначимое, он способен это проделать лишь методом абстрагирования от 1) действительных оцениваемых объектов и 2) действительных оценивающих субъектов. При выполнении первого шага ценность должна стать не характеристикой отношения субъекта к данному объекту, а самостоятельным предметом, ценностью самой по себе, безотносительной к каким бы то ни было объектам. Но такая ценность сама по себе – без объекта – была бы метафизической, недоступной для её чувственного познания «эмпирическим субъектом». Какой субъект мог бы её познавать? Требуется сделать второй шаг, абстрагироваться от действительных субъектов и мысленно создать вместо них «метафизического субъекта», как, например, «нормальное сознание» Виндельбанда, «абсолютное сознание» Фолькельта, «Сверх-Я» Мюнстерберга и тому подобное.

Совершив такие процедуры абстрагирования, что мы получаем в итоге в качестве ценности? Ответ: ничего. Такое понятие ценности невыполнимое, так как оно не схватывает и не несёт никакой предметности. Такая ценность «есть» просто ничто.

Вывод о невыполнимости понятия ценности не означает бесполезности ценностной проблематики для философии и науки. Действительные субъекты постоянно совершают акты оценивания всевозможных предметов, в том числе своих собственных представлений, переживаний и действий. Поэтому необходимы философские и научные исследования, но не «объективных и общезначимых» ценностей как пустых абстракций, а действительных актов оценивания.

Заключение. Подобно тому, как И. Кант принял определение границ познания пределами возможного опыта, К. Видерхольд показал границы научной применимости понятия ценности. Для этого он проанализировал смысловой состав и смысловую структуру понятия ценности, выделил пять смысловых типов этого понятия. Он выработал два критерия выполнимости понятия: 1) критерий осмысленности применения понятия, 2) критерий несущей способности понятия. Эти критерии были успешно приме-

нены для анализа и критики влиятельных философских теорий ценностей. Было показано, что любые попытки обосновать объективность и общезначимость нормативных ценностей неудовлетворительны с точки зрения критериев выполнимости понятия ценности. Они неизбежно ведут к метафизике, к выходу за пределы компетенции науки. Критика К. Видерхольдом принципов философии ценностей является существенным вкладом в развитие ценностно-философских исследований.

Литература

1. Шохин, В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: монография / В.К. Шохин. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 455 с.
2. Wiederhold, K. Wertbegriff und Wertphilosophie / Konrad Wiederhold. – Berlin: Reuther & Reichard, 1920. – VII, 86 S.
3. Ивин, А.А. Современная философия науки / А.А. Ивин. – М.: Высш. шк., 2005. – 591 с.
4. Ивин, А.А. Аксиология. Научное издание / А.А. Ивин. – М.: Высш. шк., 2006. – 390 с.
5. Столович, Л.Н. И. Кант и проблема ценности / Л.Н. Столович // Кантовский сборник. – 2009. – № 2(30). – С. 20–30.
6. Виндельбанд, В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2 т. / Вильгельм Виндельбанд. – М.: Гиперборей: Кучково поле, 2007. – Т. 2: От Канта до Ницше. – 2007. – 511 с.
7. Misch, G. Einleitung des Herausgebers / Georg Misch // Lotze R.H. Logik. Drei Bücher vom Denken, vom Untersuchen und vom Erkennen, hrsg. von G. Misch, F. Meiner. – Leipzig: Verlag von F. Meiner, 1912. – S. VII–XСII.
8. Lotze, H. Mikrokosmos: Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit. B. 2 / Hermann Lotze / 5. Aufl. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1905. – 466 S.
9. Виндельбанд, В. Прелюдии: философские статьи и речи / В. Виндельбанд. – М.: Гиперборей: Кучково поле, 2007. – 400 с.
10. Windelband, W. Einleitung in die Philosophie / Wilhelm Windelband. – Tübingen: J. C. B. Mohr, 1920. – XII, 444 S.
11. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
12. Rickert, H. Der Gegenstand der Erkenntnis: Einführung in die Transzendental-Philosophie / Heinrich Rickert / 3. völlig umgearb. und erw. Aufl. – Tübingen: Mohr, 1915. – XVI, 456 S.
13. Münsterberg, H. Philosophie der Werte: Grundzüge einer Weltanschauung / Hugo Münsterberg. – Leipzig: J. A. Barth, 1908. – 486 S.
14. Яковенко, Б.В. Hugo Münsterberg. Philosophie der Werte / Б.В. Яковенко // Вопросы философии и психологии. – 1909. – Кн. II (97). – С. 309–322.
15. Volkelt, J. System der Ästhetik / Johannes Volkelt. – München: C. H. Beck, 1914. – Bd. 3. – XIV, 590 S.
16. Windelband, W. Präludien: Aufsätze und Reden zur Philosophie und ihrer Geschichte / Wilhelm Windelband. – Tübingen: J. C. B. Mohr, 1915. – B. 1. – XI, 299 S.
17. Thöndl, M. Bewahrung durch Umbruch: Die «Konservative Revolution» in Italien / Michael Thöndl // Moderne Politik: Politikverständnisse im 20. Jahrhundert / Hans J. Lietzmann (Hrsg.). – Springer-Verlag, 2013. – S. 81–102.
18. Авиация: Энциклопедия / гл. ред. Г.П. Свищев. – М.: Большая рос. энцикл.: Центр. аэрогидродинам. ин-т, 1994. – 736 с.

Поступила в редакцию 11.06.2021